

РАДИО **ЭХО** МОСКВЫ

НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

РАДИО **ЭХО** МОСКВЫ

НЕПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э95

Э95 **Эхо Москвы. Непридуманная история.** – Москва: Издательство АСТ, 2015. – 416 с. – (Агедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-090215-6

Эхо Москвы – одна из самых популярных и любимых радиостанций москвичей. В течение 25-ти лет ежедневные эфиры формируют информационную картину более двух миллионов человек, а журналисты радиостанции – являются одними из самых интересных и востребованных медиа-персонажей современности.

В книгу вошли воспоминания главного редактора (Венедиктова) о том, с чего все началось, как продолжалось, и чем «все это» является сегодня; рассказ Сергея Алексашенко о том, чем является «Эхо» изнутри; Ирины Баблюян – почему попал на работу в «Эхо», остаешься там до конца. Множество интересных деталей, мелочей, нюансов «с другой стороны» от главных журналистов радиостанции и секреты их успеха – из первых рук.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090215-6

© Эхо Москвы
© Леся Рябцева, составление и сборка
© ООО «Издательство АСТ»

*«И нам остается пройти
еще три четверти пути».*

**АЛЕКСЕЙ ВЕНЕДИКТОВ
и ЛЕСЯ РЯБЦЕВА**

Серебряная ложечка

- Л. РЯБЦЕВА: Мой первый вопрос. Думали ли вы, что «Эхо» доживет до 25?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Честно говоря, не ставил никакие горизонты вообще. До 24, до 25, до 26 – это история непонятная. Это просто часть потока, в котором ты плывешь. Это часть реки, в которой ты плывешь. Думал ли я, где будет водопад и обрыв? Не знаю. Может быть, он за тем поворотом, а может быть, еще лет 25 будем плыть.
- Л. РЯБЦЕВА: Еще три четверти пути.
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Еще три четверти пути. Я действительно не думаю. Знаешь, это было в 2003 году, когда я понимал, что с нулевого по третий мы висели, и я все время оборачивался, все время думал, что мы не так сделаем, чтобы нас не закрыли. А потом я перестал об этом думать, потому что понял, что нас могут закрыть в любой момент по не зависящим от нас причинам. Поэтому нельзя оборачиваться, нельзя про это думать вообще. Это создает тяжелую самоцензуру. Я знаю, у ребят это есть и бывало.
- Л. РЯБЦЕВА: У ребят – у кого?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: У наших ребят, которые сами делают материалы. Я же не сижу над каждым материалом. Есть эта самоцензура: а вдруг нас закроют? Я перестал бояться с 2003 года, все. Когда закрыли Ходорковского, я понял: слушай, если вот этого толстого миллиардера, самого богатого закрыли, закрыть «Эхо» – это вообще не вопрос, одним мизинцем. Поэтому я не думал ни про 25, ни про 24, ни про 20. Прожили день – и ладно.

Л. РЯБЦЕВА: Вы часто говорите о том, что «закрыть на самом деле нас должны были вчера» или «мы уже живем во время, которое нам не отведено».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Лет 15 мы живем, я думаю, что с приходом Путина, потому что Владимир Владимирович всегда относился к прессе и к нам, как к инструменту. Если инструмент не понравится его выкидывают или его ломают. Он не относился и не относится к прессе, как к институту, который надо хранить, лелеять, растить, поливать и так далее. Это его искреннее честное отношение, он мне его продекларировал в 2000 году, молодым президентом. Мы сидели вдвоем, и он мне это сказал. И я вдруг понял тогда... Тогда что инструмент? У тебя инструмент – ручка. Она плохо стала писать – выкинул и купил новую.

Л. РЯБЦЕВА: Какую тогда функцию сейчас «Эхо» исполняет как инструмент?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Для него?

Л. РЯБЦЕВА: Для него, например.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Я не знаю, но я могу представить себе, я представляю. Во-первых, мы – конечно же, клапан для выпуска пара, безусловно.

Л. РЯБЦЕВА: Чьего пара?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Оппозиционного пара. Площадка для того, чтобы он мог сказать: «Ну как? Вот свобода слова. В моей стране есть свобода слова».

Л. РЯБЦЕВА: Он это говорит как бы на внешний контур?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Он это говорит на внешний контур, безусловно. И я просто знаю, что он это говорит или говорил.

Вторая история заключается в том, что мы для него, безусловно, альтернативный источник информации. Наше мнение, мнение наших гостей и наши неожиданные новости ему докладывают. То есть мы создаем дополнительный поток. То есть мы – полезный

инструмент для принятия решений, маленький, слегка корректирующий. Мы не какая-нибудь бензопила. Мы – какая-то отверточка – маленький, но тем не менее инструмент. Мы входим в его чемоданчик на сегодняшний день.

И, конечно, то, что есть у нас личные отношения. Я думаю, что это все меньше и меньше, но тем не менее я думаю, что...

Л. РЯБЦЕВА: Защищает?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Понимает, что не веду войну. Понимает, что я против него не веду войну на гранты Госдепа, Моссада, Аль-Каиды, украинской СБУ, я уж не знаю. Я так думаю, это моя конструкция. На самом деле кто же знает, что у человека в голове?

Л. РЯБЦЕВА: Есть еще два интересных момента – внутренний и внешний, но примерно один и тот же. Когда вы стоите, стоит «Эхо Москвы», и вы видите, как отваливаются вокруг СМИ, коллеги: Миронюк, «РИА Новости», «Дождь», «Лента» – неважно. Вот это все меняется, у них проблемы. Это внешняя история. Мне интересно, как вы на это смотрите. А есть внутренняя история, когда внутри отваливаются коллеги: Тихон Дзядко, у Саши Плющева были истерики, кто-то уходил, приходил.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Это постоянно, это всегда. Очень болезненно. На самом деле для меня это все очень болезненно. Потому что, когда на внешнем контуре отваливаются коллеги, ты понимаешь, что ты все больше и больше один (или один), ты становишься на переднем крае. Налево посмотрел, направо посмотрел – дует со всех сторон, уже никто не прикрывает бок. И это плохо. То есть ты не системный, ты маргинальный. И это болезненная история, кроме того, что жалко коллег профессионально.

Что касается «внутри», то здесь у меня другое ощущение. Я себя веду так, как я считаю правильным. Вот я знаю, что все, что я делаю... Я делаю то, что

я считаю делать правильным в этот момент. Я очень уверен, я очень самоуверен. И поэтому когда коллеги внутри не понимают, а я не могу им объяснить, я всегда говорю одно и то же: «Или принимайте, или дверь там». Ну что я могу сделать? «Или мне верьте, что я делаю правильно, или дверь там, или ищите другое место». Это очень болезненно всегда, чрезвычайно. Уход Тихона чрезвычайно болезнен, на мой взгляд, связан с недоразумением и с ошибочным решением Тихона, но это его выбор. Еще люди уходили. Люди на ВГТРК ушли в последний год, и тоже болезненно. Вот болезненно. Ну что делать?

Л. РЯБЦЕВА: История Димы Борисова показывает наоборот, что можно работать на Первом канале и при этом не хотеть уходить с «Эха». А бывают истории...

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет ограничений. Леся, у меня нет ограничений. Мне все равно, где люди... Есть люди, которых я бы не стал звать, потому что понимаю, что они не искренние и не честны. Мне очень важно, чтобы человек, какой бы он точки зрения ни был, чтобы он был уверен в том, что он делает правильно – то есть был, как я, в этом смысле. Вот я считаю, что он ошибается, что он делает неправильно, но я знаю, что он так считает.

Л. РЯБЦЕВА: То есть он искренний.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да. Вот как ты.

Л. РЯБЦЕВА: Ну, это само собой, это понятно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Когда ты поступаешь неправильно, тем не менее я с этим мирюсь, потому что ты так считаешь. Так и любой. У меня одинаковое отношение ко всем. С вами очень тяжело, очень трудно, но для меня главное – это то, что человек делает и говорит то, во что верит, а не играет здесь со слушателями.

Л. РЯБЦЕВА: Понятно, было бы проще, если бы мы были простыми. Но, мне кажется, на «Эхе» не могут работать простые.

- А. ВЕНЕДИКТОВ: А я не люблю простых. Ну как работать с простыми?
- Л. РЯБЦЕВА: Вот о том и разговор. Вы бы и не смогли с такими работать. «Эхо» бы и не построилось, если бы мы все были такие простые.
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Неинтересно. В оловянных солдатиков играть, поверь, мне неинтересно. Может быть, я уже прошел то время, когда хотел, чтобы все мне подчинялись и делали: «налево» – налево; «направо» – направо; «кругом, шагом марш». Мне просто неинтересно. С такими людьми мне неинтересно.
- Л. РЯБЦЕВА: Тогда случается разлом (по крайней мере, у меня) в том, что вы говорите. С одной стороны, вы хотите, чтобы все слушали вас и верили вам, потому что вы единственный главный редактор, и у редакции не может быть нескольких мнений, потому что все-таки один главный. А с другой стороны, у всех должно быть свое мнение, и они должны быть искренними. Что, это тогда должно быть ваше мнение и их мнение, бьющее в один клин, пусть и по-разному? Или что?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, конечно. Попытаюсь объяснить. Я же не принимаю решения по каждому эфиру – ни по форме, ни по контенту, ни по интонации. Я человек-рамка. Вы – картина, я – рамка. Вот за рамки нельзя. Вот рамки такие. Я в этом смысле столяр, а не художник. Художники – вы. Каждый своей краской малюет, каляки-маляки пишет, а я делаю рамки. Вот за этими рамками, с моей точки зрения, нет профессии, там другие профессии. И моя точка зрения: когда человек вылетает за эту рамку, мне нужно взять его за руку, кисточку вернуть внутрь, и пусть каляки-маляки делает. А там уже все равно, кто – Кандинский или импрессионист. Совершенно все равно. Каждый рисует свое, но внутри этой профессиональной рамки. Никакого противоречия нет.

- Л. РЯБЦЕВА: Много было таких разочарований, когда приходилось кого-то возвращать или кто-то так уходил?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Я думаю, что они продолжают каждую неделю на самом деле.
- Л. РЯБЦЕВА: Разочарования?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: «Разочарование» – очень сильное слово. Конечно, разочарований было мало, но досады, что тебя не понимают... Слушай, ты сидишь на директоратах.
- Л. РЯБЦЕВА: Ну, это я знаю, а читатели не знают.
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Хорошо. Досада, что ты не понимаешь, что люди с тобой 20 лет, 15 лет, 10 лет, что есть люди, которых ты просто вырастил, которые просто одной крови (как в «Маугли»: «Мы с тобой одной крови – ты и я»), люди не понимают. Ну как, ты сидишь здесь, ты сидишь каждую неделю здесь... Я не понимаю, как не понимают. Вот так.
- Л. РЯБЦЕВА: Так они до этого же понимали как-то 20 лет, а последние 5 лет не понимают?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Ситуация изменилась вокруг. У людей меняется жизнь, их друзья, они принимают другие решения. Они же не живут только на «Эхе». С ними другие друзья, они им что-то говорят, те приходят и приносят это сюда. Это все нормально. Но как-то обидно, досадно бывает, что есть очевидные вещи, но как-то нужно применять силовые решения, в смысле, дополнительные усилия, а это отнимает силы. И когда у тебя просто бои на внешнем контуре, а еще и внутри вести с этим бои... не бои, а объяснять – это досада. Это не разочарование, это досада.
- Л. РЯБЦЕВА: А сейчас сильнее дребезжит внутри, да?
- А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, дребезжит внутри, потому что вокруг дребезжит – послушай. Вы все люди. Любой корреспондент, любой мой заместитель подвергается давлению среды – семьи, друзей, общества, телевидения, я не знаю чего. И очень трудно всему

этому противостоять. Я это очень хорошо понимаю. Может быть, для этого нужно быть уже в зрелом возрасте, как принято говорить, чтобы понимать, где тебя дурят, или жить в Советском Союзе, например. Это очень тяжелая история на самом деле. И люди дребезжат.

Л. РЯБЦЕВА: Эта последняя пятилетка по сравнению с остальными – сильнее дребезжат?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Конечно, потому что внешнее давление резко увеличилось с 2012 года. Более того, есть совершенно принципиальная вещь, когда часть журналистов стала заниматься гражданским активизмом – не только у нас, а вообще, это общая история. Я считаю, что на сегодняшний день это другая профессия. Пожалуйста, только... Почему я начал ужесточать правила? Это ответ на внешнюю среду. Это не я придумал, что есть журналистика, а есть гражданский активизм. И ты сама видела, как это вызывает недовольство, досаду моих коллег. Я ее понимаю, но я ее не разделяю, и поэтому этого не будет здесь, пока я здесь. Я просто считаю, что это другая профессия. Может быть, более благородная, может быть, сейчас надо им распространять альтернативную информацию, антипутинскую, не знаю, какую...

Л. РЯБЦЕВА: Проходорковскую.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Или проходорковскую. Это вопрос психологии. Я просто считаю: хорошо, если ты хочешь сменить профессию, давай ты сменишь профессию, это же не вопрос. Это, кстати, очень тяжело, потому что мы видим, что коллеги из других изданий себе это позволяют, и здесь мы проигрываем. Мы проигрываем, потому что мы не занимаем позицию, потому что мы занимаемся профессией. И это неправильно, наверное, с точки зрения рейтингов, поддержки определенных слоев населения, поддержки ядра наших слушателей, которые хотят от нас видеть только одно. Я это очень хоро-

шо понимаю, но я этого делать не буду. Эта профессия мне не интересна.

Л. РЯБЦЕВА: Потому что вы уже ближе к пенсии, да?

А. ВЕНЕДИКТОВ: К смерти.

Л. РЯБЦЕВА: Про надгробие поговорим отдельно.

А. ВЕНЕДИКТОВ: К надгробию. Нет-нет, просто мой опыт показывает, что мне это не интересно. Я это прошел, наверное. Я это прошел знаешь когда? Когда Борис Николаевич избирался первый раз, еще «Эха» не было – 1987–1989 годы. Я активно в его кампании участвовал. Мне это было интересно. Я бегал...

Л. РЯБЦЕВА: То есть вы занимались гражданским активизмом.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, я занимался гражданским активизмом. Я уже это прошел, я это проехал до «Эха». Просто когда я пришел на «Эхо» – это другая профессия.

Л. РЯБЦЕВА: Цитируя Михаила Юрьевича Лесина, вопрос, который мы задаем всем нашим гостям, – про погоду за окном. Почему на «Эхе» сохранилась другая погода, другая атмосфера, другое все?

А. ВЕНЕДИКТОВ: Во-первых, потому что все-таки ядро «Эха» – те люди, которые основывали «Эхо» – они остались на «Эхе», и остались очень консервативные, я имею в виду: Корзун, Бунтман, я, грубо говоря. Они остались консервативны. Поскольку мы отвечаем за то, что на «Эхе» мы просто искусственно не давали этому меняться.

А во-вторых, потому что я историк, и я прекрасно понимал, почему... Помнишь, Андрей Васильев нам говорил, как у него были надежды с Владимиром Владимировичем? У меня не было никогда надежд с Путиным. Я просто знал, кого избрали. Я просто представлял себе эту фигуру. И я к ней отнесся знаешь как – «пошел внезапно снег». Когда пошел внезапно снег, надо шапку надеть и шубу купить.

Л. РЯБЦЕВА: И пережить.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Нет, просто другая погода. И все думали, что все продлится. А я точно понимал, что ничего не продлится. Нельзя сказать, что я был более дальновидным. Я просто себе представлял, как это все будет. И надо сказать, что до 2012 года все так и было, как я себе представлял, и поэтому мы были готовы к этому. Этот 2,5-часовой разговор с Владимиром Владимировичем один на один в 2000 году, с молодым президентом, когда мы определяли, что я отвечаю... Он мне это сказал, что я отвечаю за «Эхо», и все. Все равно, кто акционер, не акционер – неважно. «Ты отвечаешь за все». Я говорю: «О'кей, я отвечаю за все». И все, и с этого момента так все и осталось. То есть та договоренность действует, и я недавно про нее напомнил.

Л. РЯБЦЕВА: Говоря про Андрея Васильева... Он как раз в нашем последнем эфире сказал о том, что вы без этого жить не можете – вы не можете жить без этой сумасшедшей гонки, без «Эха».

А. ВЕНЕДИКТОВ: Могу, потому что для меня люди – главное. Для меня не структура главная. Мне плохо, когда уходят люди. Можно построить другую конструкцию, можно построить другой проект, наверное. Сейчас – не знаю. И насколько сил хватит – не знаю (про надгробие опять). Но, в принципе, можно построить другую конструкцию. Главное – людей сохранить.

Л. РЯБЦЕВА: Надгробие может проектом стать. Можете начать уже планировать дизайн.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да у меня уже там скоро места не хватит, на этом надгробии. Придется какое-то большое надгробие...

Л. РЯБЦЕВА: Через запятую. Столб.

А. ВЕНЕДИКТОВ: Да, надо уже большое надгробие, через запятую абзацами писать. Столб Хаммурапи – это смешно, да.